

ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ

ГОРЬКИЙ

И РУССКАЯ
ЖУРНАЛИСТИКА
НАЧАЛА XX ВЕКА

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА

Annotation

- [Разумник Васильевич Иванов-Разумник Реферат «Отношение Максима Горького к современной культуре и интеллигенции» \(1900\)](#)
- [Отношение Максима Горького к современной культуре и интеллигенции { Читано 28-го ноября 1900 г. на LVII заседании историко-филологических бесед Читано 15-го марта 1901 г. в Пересыльной тюрьме в 22-й камере, студентам Читано 16-го марта 1901 г. в Пересыльной тюрьме в 16-й камере, курсисткам \(прим. автора\).}](#)
- [Примечания](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)

- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)

Разумник Васильевич Иванов- Разумник Реферат «Отношение Максима Горького к современной культуре и интеллигенции» (1900)

Публикуемый реферат Иванова-Разумника был одним из первых опытов начинающего литератора в области критики. Для нас он представляет интерес прежде всего как материал для изучения восприятия Горького его современниками. История создания реферата такова: поступив в Петербургский университет на физико-математический факультет, Иванов-Разумник стал с 1900 г. посещать также лекции профессора А. С. Лаппо-Данилевского на историко-филологическом факультете и предпринимать самостоятельные разборы современной литературы[1]. Неудивительно, что в центре его внимания оказываются произведения Горького, приобретшие на рубеже веков шумную известность и вызвавшие самые разнообразные истолкования. 21 мая 1900 г. Иванов-Разумник писал своему другу А. Н. Римскому-Корсакову: «Подписался я на журнал «Жизнь», где подвизается Горький. (Там, к слову сказать, печатается замечательная новая его повесть — «Мужик») <...> С каждым новым рассказом он все выше и выше поднимается (для меня) к совершенствованию; есть у него один рассказ (не знаю, читали ли Вы его?), выше которого нет ничего в современной русской литературе и даже у самого Горького. Это — «Скуки ради». Почти приближаются сюда «Бывшие люди». Если Вы еще не читали этих двух вещей, то с Вами не стоит и разговаривать»[2]. 15 сентября 1900 г. Иванов-Разумник сообщал ему же: «На рефератных вечерах у Лаппы <...> я собираюсь прочесть два реферата. Один из них — «Отношение М. Горького к современной культуре». Этим летом я читал и перечитывал Горького; теперь я увлекаюсь им еще больше, чем прежде. Это такой сильный и мощный талант, какого давно не появлялось на нашей литературной сцене»[3].

С рефератом о Горьком Иванов-Разумник выступил в университете в ноябре 1900 г., при этом Лаппо-Данилевский изменил

заглавие «Отношение М. Горького к современной культуре и интеллигенции» на «Значение М. Горького в современной русской литературе»[4]. Скорее всего, именно эта работа могла стать литературным дебютом Иванова-Разумника. В письме от 7 февраля 1901 г. он жаловался Римскому-Корсакову: «Литературные дела мои идут слабо; статья до сих пор не может появиться в печати, кормят только обещаниями «в следующий месяц». Я полагаю, что они хотят меня оттянуть до лета, «когда наступят жары»»[5]. Неизвестно, в каком именно журнале Иванов-Разумник надеялся опубликовать свою статью. Эти хлопоты были прерваны неожиданно: в начале 1901 г. Иванов-Разумник «имел удовольствие подвергнуться обыску — полиции, понятых и т. п.»[6], а 4 марта того же года, участвуя в студенческой демонстрации, был «избит на площади Казанского собора казацкими нагайками, арестован, посажен в тюрьму, а потом и выслан из Петербурга»[7]. Находясь в петербургской пересыльной тюрьме в марте 1901 г., Иванов-Разумник дважды читал свою работу о Горьком арестованным студентам и курсисткам. «Из нашей тюремной жизни — нового ничего, — извещал он 17 марта Римского-Корсакова. — Только разве что вчера был у нас литературный вечер, где я подвизался в чтении реферата о М. Горьком и был единственным исполнителем. Сперва я прочел в верхнем этаже, для студентов, а потом внизу у курсисток. Курсисток всех поместили в одну камеру, а меня поставили по сю сторону решетки — так был прочитан реферат, так же происходили и прения. С одной курсисткой я сцепился жестоко из-за определения понятия культуры и интеллигентности»[8].

Работа Иванова-Разумника о Горьком несет на себе все признаки незрелости аналитического мастерства, достаточно прямолинейна, имеет в основном реферативный характер. Двадцатидвухлетнему студенту-математику явно еще недостает индивидуальности восприятия, критического мастерства. В то же время реферат несет в себе живые отголоски тех дискуссий, которые кипели вокруг Горького, помогает понять, что волновало читателей в творчестве молодого писателя. Иванов-Разумник, заинтересованно следивший за полемикой о Горьком в «большой» критике, пробует обосновать свою позицию в этих спорах. Так, он пытается опровергнуть тезис критики о враждебности Горького к интеллигенции и стремится показать, что писатель развенчивает либо псевдоинтеллигенцию, либо ту часть

просвещенного сословия, которая утратила связи с живой жизнью, замкнулась в «книжной» бездеятельности, либеральной самоудовлетворенности. То, на чем заостряет внимание Иванов-Разумник при разборе «Вареньки Олесовой» или «Фомы Гордеева», ныне едва ли покажется неожиданным, но для времени, когда эти произведения стояли в центре живейших литературных дискуссий, характеристики приват-доцента Полканова и Тараса Маякина, данные Ивановым-Разумником, были актуальными и могли способствовать пониманию художественного смысла этих образов. Весьма примечательно и то, что Иванов-Разумник отказывается видеть в идеалах Горького элементы нищезанятия, хотя такое мнение господствовало в критике тех лет после известных статей Н. К. Михайловского[9]. Характерно в реферате Иванова-Разумника и пристальное внимание к повести Горького «Мужик», печатавшейся в 1900 г. в журн. «Жизнь», которая импонировала начинающему критику своей откровенной публицистичностью. Иванов-Разумник увидел в этой повести прежде всего размышления писателя о том, «что делать» русской интеллигенции и какою ей быть. Хотя критика настойчиво принижала значение повести «Мужик» за преобладание в ней «резонерского», публицистического начала над собственно художественным (мнение, в известной мере разделявшееся и самим Горьким, оценившим «Мужика» как свой творческий просчет и отказавшимся от его завершения), Иванов-Разумник именно эту публицистичность и прямолинейность более всего и ценил в повести, в чем, без сомнения, проявилась его тогдашняя народническая закуска. Несомненной ошибкой Иванова-Разумника в реферате следует признать знак равенства, который он ставит между автором и его героями, не чувствуя дистанции между ними. И если, цитируя монологи Шебуева из «Мужика», он еще имел основания видеть в них выражение мыслей самого Горького, то в других случаях этот метод вел его к заведомо неверным толкованиям — например, к выводу о пессимистическом отношении Горького к человеку вообще, сделанному на основании изречений Промтова, героя рассказа «Проходимец», или к сближению идейного кредо писателя и «просветительских» высказываний приват-доцента из «Вареньки Олесовой», состоящих из сплошных общих мест либеральной фразеологии и воспроизводимых автором с явной иронией.

Общая оценка творчества Горького в реферате была самой высокой: Иванов-Разумник предрекал молодому писателю в будущем место «великого писателя земли русской» — место Льва Толстого.

Позднее, став литературным критиком, Иванов-Разумник не раз обращался к творчеству Горького. Характерно, что в поле зрения критика оказались не только произведения, вошедшие в авторские сборники и опубликованные в ведущих журналах, но и ранние рассказы писателя из «Самарской газеты»[10]. В «Истории русской общественной мысли» специальная глава книги — «Чехов и Горький» — характеризует творчество двух писателей как самое значительное явление русской общественной мысли 1890-х годов. Иванов-Разумник не первым поставил рядом эти имена — еще в 1900 г. вышла в свет «Книга о Максиме Горьком и А. П. Чехове» Е. А. Соловьева (Андреевича), — но именно он впервые попытался дать оценку двух крупнейших писателей современности с учетом исторической перспективы, представить их как последнее двуединое звено в цепи вершинных достижений русской литературы. В своем исследовании Иванов-Разумник по-прежнему противопоставляет подлинную интеллигенцию и «дикарей высшей культуры», развенчиваемых Горьким, но, с другой стороны, уже относится с недоверием к тем положительным типам истинных интеллигентов, которые намечает Горький в новейших произведениях и которые объясняются приобщением писателя к «марксизму русской чеканки»[11].

Впоследствии отношение Иванова-Разумника к Горькому будет развиваться в русле, заданном «Историей русской общественной мысли»: высокая оценка свершений Горького-художника и полемика с Горьким-публицистом. В иных случаях эти противопоставления «художника» «публицисту» трудно было бы счесть необоснованными. В частности, Иванова-Разумника побудила выступить с возражениями статья Горького «Две души». В статье «Земля и железо» Иванов-Разумник опровергал тезис Горького о косности и пассивной созерцательности русского народа, о подверженности его «азиатскому», иррациональному началу — его же собственными художественными произведениями: «Детство» и «В людях» противостоят статье «Две души», ибо в них «не обвинение, а оправдание, не обвинение, а объяснение»: «Кому верить? Художнику в человеке верьте всегда больше, чем публицисту»[12].

Резкое идейное размежевание Горького с Ивановым-Разумником не мешало последнему высоко ценить Горького-художника и тогда, когда рассуждения о «конце Горького» звучали в полную силу. Построив свою статью ««Народ» и «интеллигенция»» (1910) в форме диалога с воображаемым оппонентом, Иванов-Разумник дает отпор ходячим мнениям о творческих провалах Горького, и в частности о повести «Лето». Мнение, что в «Лете» «нарисованы несуществующие оперные мужики, которые хотят издавать газету и рассуждают о России и ее судьбах», Иванов-Разумник опровергает: «М. Горький — бытописатель и историк главным образом народной интеллигенции». Крестьян из «Лета», тянущихся к политике и культуре, Иванов-Разумник считал вполне достоверными и ссылаясь на свои собственные наблюдения: «Я же знаю, что деревенская крестьянская интеллигенция именно такова, какую описывает ее М. Горький, я знаю, что именно о судьбах России думают и говорят эти мужики и мог бы доказать вам это из подлинных, уже напечатанных крестьянских статей»[13]. Горький не в моде, заостряет свою мысль Иванов-Разумник, лишь «среди нашей интеллигентской черни», у «фешенебельных богоискателей и хулиганствующих критиков». Критик уверен в том, что «раньше или позже схлынет волна этого стадного и постыдного равнодушия читателей к большому писателю», что многие сенсационные произведения текущего дня забудутся, а «Городок Окуров» «еще долго и долго будет читаться и перечитываться»[14].

**Отношение Максима Горького к
современной культуре и интеллигенции
{ Читано 28-го ноября 1900 г. на LVII
заседании историко-филологических
бесед Читано 15-го марта 1901 г. в
Пересыльной тюрьме в 22-й камере,
студентам Читано 16-го марта 1901 г. в
Пересыльной тюрьме в 16-й камере,
курсисткам (прим. автора).}**

Современная русская литература может без всякой зависти смотреть на западноевропейскую литературу, сознавая за собой такие силы и таланты, которые могли бы служить украшением литературы любого народа. Наша родина, отставая в жизни политической и научной, давшая только два-три крупных имени в науке — и ни одного в общем течении философской мысли — оказалась плодородной почвой для развития целого ряда школ в области искусства. Не говорим уже о представителях русской школы живописи, не говорим о ряде мощных талантов, создавших русскую музыкальную школу, — ограничимся только областью литературы: достаточно и этого для подтверждения нашей мысли; достаточно даже назвать только одно имя современного нам «великого писателя земли русской», завоевавшего всемирную славу настолько же художественным творчеством, насколько и своим отрицательным движением против современной культуры.

Недавно, всего несколько лет тому назад, на литературной сцене появился молодой, новый писатель: я говорю о Максиме Горьком. Я далек от мысли ставить на одну доску этого молодого писателя с только что упомянутым Львом Толстым, но нельзя не сознаться, что между ними (на первый взгляд) есть вполне определенное общее —

именно, отрицательное отношение к современной культуре. В остальном — не говоря пока о степени таланта — это совершенные противоположности. Горький не обладает и в малой степени той силой и глубиной психологического анализа, которая отличает творца «Анны Карениной», которой обладал в равной степени только Достоевский и которой наделен из современной группы «*dii minores*» {младших богов (лат.); в переносном смысле: «второстепенных талантов»}. — разве только Короленко. Зато Горький — поэт и романтик в душе — прямо поражает гибкостью и художественностью языка, красотой и блеском образов, подходя в этом отношении только к Тургеневу; он обладает даром «ударять по сердцам с неведомою силой»[15] и в немногих словах дать много впечатления. Достаточно вспомнить только один из его рассказов — истинный *chef d'oeuvre* по драматизму и силе — «Скуки ради».

Впрочем, в задачу мою не входит разбор значения Горького для современной русской литературы; это было бы трудной и неблагодарной задачей, так как пришлось бы разбираться в целом ряде определенных мнений об этом писателе. Одни считают его прямым подражателем Глеба Успенского[16]; другие ведут его родословную даже от Бестужева-Марлинского, указывая на такие его рассказы, как «Старуха Изергиль», «Макар Чудра», «Хан и его сын» и т. д.[17]; третьи причисляют его к лику современных «крайних левых» декадентов, говоря, что он поэт настроения и что декадентство его явно выразилось в его рассказе «Читатель»[18] и т. п. Опровергать все эти мнения — задача неблагодарная, да к тому же и сам Горький с каждым своим рассказом идет все дальше и дальше вперед; что он нам даст — предсказать невозможно. Но моя задача гораздо уже: я намерен остановиться на разборе того, уже высказанного выше положения, что Горький имеет нечто общее со Львом Толстым — отрицательное отношение к современной культуре; и попытаюсь проследить, насколько отрицательно относится М. Горький к современной интеллигенции.

Не странное ли действительно это явление: появляется молодой писатель, якобы отрицательно относящийся к культуре и к интеллигенции, и мощно подчиняет себе сразу лучшую часть той же интеллигенции? Не является ли это противоречие следствием двойственности понятий интеллигентности и культуры? Мы увидим,

что именно это имеет место и что отрицательное отношение к культуре Толстого и Горького — отрицания двух совершенно разных порядков.

Конечно, положение это может быть оспариваемо: нам могут указать на различные типы в повестях М. Горького, которые по общему отзыву и критики и читающей публики являются жестокой сатирой на интеллигенцию; указывают на приват-доцента из «Вареньки Олесовой», на Тараса из «Фомы Гордеева», на доктора из неоконченного «Мужика» и т. п. Поэтому и остановимся на разборе этих трех главных типов с интересующей нас точки зрения.

«Варенька Олесова» — один из лучших — по тонкости психологического анализа, по цельности настроения, по художественной обработке — рассказов Горького. Сама Варенька — в высшей степени законченный тип, точно высеченная из сплошного куска мрамора античная статуя; в обрисовке ее вы не встретите ни одного ложного штриха, ни одной неверной частности; с первой до последней сцены (к слову сказать — так шокирующей некоторых не в меру стыдливых критиков)[19] она обрисована живыми, сочными красками и стоит перед нашими глазами воплощением силы и красоты. Тем больше оттеняется этим личность приват-доцента, в лице которого М. Горький, по мнению некоторых критиков, желал унижить интеллигенцию перед индивидуализмом морали не затронутого интеллигентностью человека — Вареньки; по мнению других критиков, этот приват-доцент — просто сухая педантичная деревяшка, унижением которого Горький не желал сказать что-либо обидное интеллигенции вообще.

Ни первое, ни второе мнение, думается нам, не могут считаться достаточно обоснованными.

Действительно, вспомним вкратце содержание этого рассказа.

Ипполит Сергеич Полканов, только что назначенный приват-доцентом университета, попадает летом в глухую деревню своей сестры; он намерен усиленно заниматься летом, чтобы осенью с честью выступить на лекциях, но все его планы и мечты идут прахом вследствие знакомства с Варенькой Олесовой, которая своей красотой и непосредственностью сразу же производит на доцента сильное впечатление. Вначале он любит ее только как «роскошной самкой» и презрительно, с сожалением относится к ее неразвитости; он пробует заняться ее развитием и пытается заняться эмансипацией Вареньки во

время частых прогулок на лодке и в парке усадьбы. Но чем дальше идет время, тем он все более и более теряет власть над собою, сперва он не хочет остановиться — а затем уже и не может, и это достигает своего апогея в последней сцене — купания Вареньки. Он не в силах уйти от реки, он потерял власть над собою — и искупает это своим позором, когда негодующая девушка бьет его мокрой тряпкой по лицу. Этой сценой унижения и позора доцента оканчивается рассказ.

Неужели же «сатира и мораль (над интеллигентным человеком) смысл этого всего», — выражаясь словами Чацкого?[20] — И неужели из этого рассказа можно заключить о презрительном отношении М. Горького к интеллигенции вообще, как это делает один из критиков? («Жизнь», VIII, 242)[21].

Нет, здесь на Горького возведена несомненная напраслина.

«Варенька Олесова» — не сатира на интеллигенцию, но замечательный психологический этюд, ярко и рельефно обрисовывающий с замечательной правдивостью постепенное нарастание грубого полового чувства в человеке. Человек этот взят интеллигентный — конечно, не для того, чтобы унижить в его лице высший слой нашей умственной аристократии, а просто по той причине, что на этом сухом человеке, далеко стоящем от непосредственной жизни, рельефнее всего можно было показать и попытки борьбы с чувством, и само нарастание чувства — или, вернее, чувственности — нарастание настолько же бурное, насколько и естественное. И если часть читающей публики и критики сочла эту повесть Горького насмешкой над приват-доцентом, над интеллигенцией вообще, то очевидно, что мы еще недалеко ушли от гоголевских времен и что даже теперь (слегка перефразируя выражение Гоголя) то, что написано про одного приват-доцента, — все доценты России готовы принять на свой счет[22].

Что основная цель этого рассказа — психологическая разработка развития страсти — это Горький подчеркивает с самого начала. Его герой утомлен занятиями и длинным путешествием; его мысли — еще до знакомства с Варенькой — часто направлены на то, что может питать физиологическое чувство любви.

«Воображение Ипполита Сергеевича, поддаваясь чарам вечера, рисовало из теней силуэт одной знакомой женщины и его самого рядом с ней. Они молча шли вдоль по аллее туда, вдаль, она

прижималась к нему, и он чувствовал теплоту ее тела» (М. Горький. «Рассказы»; изд. т-ва «Знание»; II, 263)[23].

Дальше — больше; фантазия его разыгрывается все сильнее и сильнее, и несдерживаемое развитие ее достигает апогея в бессонную ночь, проводимую доцентом в доме Олесовых и заканчивающуюся финальной сценой рассказа. Да, в борьбе со своей чувственностью доцент играет позорную роль; в этом отношении он ниже и слабее Вареньки — но и только. Как к человеку науки и культуры, как к человеку интеллигенции — Горький нигде не относится отрицательно к своему приват-доценту, и казнит он его не как представителя интеллигенции, а как самца, потерявшего волю под влиянием полового аффекта; это красной нитью проходит через весь рассказ.

Обидевшись за интеллигента в лице героя этого рассказа, стараются для смягчения позора выставить бедного приват-доцента безнадежно пошлым, сухим и скучным (см. критики в «Жизни», «Мире божьем», «Русском богат[стве]»)[24], но, конечно, старание это остается тщетным, ибо М. Горький — повторяем это еще раз — нигде не выставляет своего доцента такой самодовольной деревяшкой, какой стараются представить его некоторые озабоченные доброй славой интеллигенции критики. Убежденные, что в лице приват-доцента Горький унизил представителя интеллигенции и культуры, они старательно отрешиваются от всякого духовного родства с бедным доцентом — и совершенно напрасно, так как сам Горький, в сущности, относится к своему герою достаточно симпатично.

Действительно, проследите весь ход рассказа — и вы увидите, что там есть только одно действующее лицо, которому не симпатизирует автор, — это сестра приват-доцента, намеренно обрисованная так, что может внушать одну только антипатию. Ничего подобного не найдете вы по отношению к самому доценту. Горький рисует нам умного, — бесспорно, несколько сухого, — но честного и вообще хорошего человека; здесь перед Горьким — кроме основной, указанной выше, задачи рассказа — явилась второстепенная дополнительная цель: противопоставить обычному альтруистическому утилитарианизму — наивный и простой индивидуализм Вареньки. Как это ни странно, но оказывается, что в данном случае сам Горький — певец современного индивидуализма — не симпатизирует индивидуализму своей героини и, напротив — часто выражает свои мысли словами доцента. Для

Горького Варенька — «...существо, упоенное прелестью растительной жизни, полное грубой поэзии, ошеломляюще красивое, но необлагороженное умом» (II, 272)[25].

То, что любит сам Горький, — как видно из других его произведений, — то он хулит устами своей героини — возьмите, например, мнения Вареньки о русской литературе. Наоборот, свои мнения Горький выражает устами доцента, те же мысли, которые в других рассказах он выражает от себя (напр., рассказы «Читатель» и главным образом «Мужик»). Доцент говорит «о несправедливом распределении богатств, о бесправии большинства людей <...> о силе богатых и бессилии бедных и об уме — руководителе жизни, подавленном вековой неправдой и тьмой предрассудков, выгодных сильному меньшинству людей <...> — Обязанность каждого честного человека, — убедительно говорил Ипполит Сергеевич, — внести в борьбу за поработенных, за их право жить — весь свой ум и все сердце <...> Герои этой борьбы одни достойны удивления и подражания... и вам, Варвара Васильевна, нужно именно сюда обратить ваше внимание, здесь искать героев, сюда отдать ваши силы...» (II, 285–286)[26].

Так говорит этот сухой и безнадежно пошлый (по мнению критиков) человек, и сам автор относится к нему — как здесь, так и на всем протяжении рассказа — с несомненной симпатией. С такой же симпатией он, вообще говоря, относится и к самой героине — и это потому, что в разбираемом рассказе автор безусловно объективен; цель его вовсе не в том, чтобы унижить доцента как интеллигентного представителя культурной среды, а в том — повторяем это еще и еще раз, — чтобы дать психологическую разработку мотиву развития грубой, физиологической страсти; разработка эта удалась Горькому как нельзя лучше и с обычной силой проведена до последних строк рассказа.

Но довольно об этом произведении, на котором мы остановились только потому, что личность доцента нуждалась в несомненной реабилитации, после чего ясна и ошибка тех критиков, которые видели в этом типе Горького «презрительное отношение к интеллигенции» и сатиру на культурного человека.

Перейдем теперь к другому лицу — к Тарасу из «Фомы Гордеева», на которого указывают также как на пример отрицания Горьким

современной культуры. Но про Тараса достаточно будет сказать всего несколько слов.

Действительно, вышеприведенное о нем мнение является сплошным недоразумением, чтобы не сказать больше. Что такое Тарас? — Сын богатого купца, он порвал сношения с отцом, уехал учиться в Москву, был замешан в политическое дело и сослан на поселение в Сибирь. В первой половине романа Тараса нет на сцене; изредка говорят о нем — и заметно, что Горький старается подготовить его появление и выставить его в самом благоприятном свете; это должны сделать и неприязненные отзывы старика Маякина о сыне (IV, 206–207)[27], и рассказы о нем его сестры, которая смотрит с благоговением на брата, так как «он ценою тяжелых страданий, ценою молодости своей, загубленной в ссылке, приобрел право суда над жизнью и людьми...» (IV, 301)[28]. Затем, уже в конце романа, появляется и сам Тарас — и разочарование в нем Фомы — а вместе с ним и читателя — полнейшее. Перед нами солидный и степенный человек, сразу же начинающий речь о выгоде производства соды; он с презрением относится к своим «заблуждениям молодости» и твердо, с весом изрекает трафаретную мораль из Смайльса и Леббока[29] — что «счастье человека обусловлено его отношением к своему труду» — мораль, позволяющую ему застыть в тупом самодовольстве жизнью и самим собой.

«Несчастье большинства людей в том (тоном проповедника изрекает он своей сестре), что они считают себя способными на большее, чем могут... А между тем от человека требуется — немного: он должен избрать себе дело по силам и делать его как можно лучше, как можно внимательнее... Ты почитай Смайльса — не читала? Очень дельная книга... Здоровая книга... Высота культуры всегда стоит в прямой зависимости от любви к труду... А чем выше культура, тем глубже удовлетворены потребности людей <...> Счастье — возможно полное удовлетворение потребностей... Вот... И, как видишь, счастье человека обусловлено его отношением к своему труду...» (IV, 338–339) [30].

Все это залежалое старье буржуазной морали, действительно выкроенное из Смайльса и Леббока, может только претить всякой живой душе — и все симпатии читателя несомненно на стороне Фомы, с горечью и тоскою возражающего на тираду Тараса:

«Это неверно, что в трудах — оправдание... Которые люди не работают совсем ничего всю жизнь, а живут они лучше трудящихся... это как? А трудящиеся — они просто несчастные... лошади! На них едут, они терпят... и больше ничего... Но они имеют пред Богом свое оправдание... Их спросят: вы для чего жили, а? Тогда они скажут: нам некогда было думать насчет этого... мы всю жизнь работали. А я какое оправдание имею? И все люди, которые командуют, чем они оправдаются? Для чего жили?...» (IV, 340)[31].

Тарас на все это, с сознанием собственного превосходства, отвечает только советом — читать книжки, сейчас же забывает об этом разговоре и только интересуется — в чьих руках денежные дела Фомы? Узнав, что в руках своего отца, — он совершенно успокаивается.

Таков несимпатичный облик этого бывшего политического ссыльного, теперь удовлетворившегося вываркой соды и незыблемо стоящего на почве обычной буржуазной морали, пытающейся обойти вечный вопрос «о голодных и раздетых» жалкими ссылками на то, что «счастье есть труд».

Все это так; но где же здесь презрительное отношение Горького к интеллигенции и культуре? Неужели ренегат Тарас, изменивший идее ради соды, — неужели он может считаться представителем интеллигенции? Нет, в лице Тараса не интеллигенцию позорит М. Горький, а своего вечного, исконного врага, пренебрежение к которому проходит красной нитью через все его рассказы; к нему беспощадно жестоко относится наш автор, в его улучшение и развитие он не верит — и это, конечно, русский кулак-купец. Можно не преувеличивая сказать, что сам Горький смотрит на купца глазами Аристида Кувалды из «Бывших людей» (II, 174–176)[32]. Купец Иуда Петунников — вот основной тип русского купца в изображении М. Горького, и нет в этом типе ни одной светлой черточки, ни одной симпатичной стороны. Купец жертвует десятки тысяч на общее благо (в «Мужике», Чечевичын) — автор сейчас же поясняет устами главного героя (Шебуева), что «замотался, подавился, старый волк! Смерть чувствует и — подло трусит... га-а-дина!»[33].

Купец стремится к образованию, к знанию и свету — Горький сейчас же выставляет типы Петунникова-сына в «Бывших людях», Смолина в «Фоме Гордееве»; все это — «молоденькие паучки» (II, 196)

[34], еще более страшные темной массе, чем их непросвещенные отцы. Таков и Тарас Маякин. Ни знание, ни понимание передовых идей времени не могли заглушить в нем сословных вековых инстинктов — именно это указывает Горький устами старика-отца: «Вот — гляди! Вот — человек! Вот что такое Маякин! Его кипятили в семи щелоках, из него масло жали, а он — жив! И — богат! Понял? <...> Это значит — Маякин! <...> Я в кровь верю! В родовую кровь... в ней вся сила!...» (IV, 330)[35].

В лице Тараса М. Горький унижает не интеллигента, не современную культуру — а общий тип современного русского купца, которого ненавидит за его гнет над тысячами бедных людей, за его самодовольную буржуазную сытость, за его силу, направленную к удовлетворению эгоистических потребностей.

Осталось сказать еще несколько слов о третьем представителе той категории типов Горького, в которой якобы выражается его отрицательное отношение к интеллигенции. Это — доктор из «Мужика». Но и здесь мы имеем дело со странным недоразумением. Чтобы не расплываться в доказательствах — приведем только описание этого доктора, данное Горьким:

«Доктор был человек солидный и ужасно любил порядок. Идя по тротуару и увидав камешек на нем, он непременно ловким ударом трости отшвыривал его из-под ноги на мостовую и всегда после этого так оглядывался вокруг себя, точно приглашал всех людей брать с него пример. Все вопросы он давно уже решил, и все в жизни было для него просто и ясно. Настроение у него было спокойное, внешность внушительная, речь уверенная <...> Так как при всех своих достоинствах доктор был еще и либеральный человек, то он считал своим долгом аккуратно посещать субботы Варвары Васильевны Любимовой» («Жизнь», 1900 г. № 3, Стр. 130)[36].

И во всем дальнейшем рассказе к характеристике доктора не прибавляется ни единого штриха. Где же здесь отрицательное отношение Горького к интеллигенции? Неужели же ко всякому интеллигенту он должен относиться с благоговейным умилением, не имея права рисовать тип интеллигента тупого, самодовольного и ограниченного? Не с равным ли правом можно было бы заключить из вышеприведенной цитаты, что Горький отрицательно относится и к

либерализму, так как он ядовито замечает, что «доктор при всех своих достоинствах был еще и либеральный человек»?

Мне кажется, что мы можем теперь смело и уверенно утверждать, что ни приват-доцент из «Вареньки Олесовой», ни Тарас Маякин, ни либеральный доктор из «Мужика» не могут служить примерами отрицательного отношения Горького к интеллигенции вообще. К некоторой определенной части этой интеллигенции отрицательное отношение Горького несомненно, — но что это за часть, пока еще не выяснили нам разобранные выше типы. К доценту Горький строг только как к слабовольному и неуравновешенному самцу; к Тарасу он относится отрицательно как к представителю несимпатичного ему сословия общества; к либералу-доктору — просто как к самодовольному и ограниченному человеку; очевидно, что не отсюда надо исходить, говоря об отрицании Горьким интеллигенции и культуры. К какой части интеллигенции относится Горький отрицательно — мы увидим ниже; мы увидим, что не всю интеллигенцию — равно как и не всю область культуры — отрицает Горький.

Действительно, Горький часто высказывается против современной культуры — до такой степени часто, что утверждение это сделалось общим местом в суждениях об этом писателе. Но какую культуру отрицает Горький? Ответ на это дадут нам его произведения.

Ядовитую характеристику «культурного общества» дает он прежде всего в своем «Коновалове».

«Нужно родиться в культурном обществе, — говорит Горький, — для того, чтобы найти в себе терпение всю жизнь жить среди него и ни разу не пожелать уйти куда-нибудь из сферы всех этих тяжелых условностей, узаконенных обычаем маленьких ядовитых лжей, из сферы болезненных самолюбий, идейного сектантства, всяческой неискренности, — одним словом, из всей этой охлаждающей чувство и развращающей ум суеты сует» (II, 51)[37].

Поэтому не любит он и городов, теснящих его ум и сердце.

«Совсем напрасно ты, Максим, в городах трешься, — говорит, например, Коновалов, — <...> тухлая там жизнь и тесная <...> Настроили люди городов, домов, собрались там в кучи, пакостят землю, задыхаются, теснят друг друга... Хорошая жизнь!» (II, 62, 64) [38].

Интересно, между прочим, сопоставить эти слова с первыми строками «Воскресенья» Толстого; здесь и Горький и Толстой сходятся, хотя мы увидим, что отрицание культуры тем и другим совершенно различно. Но об этом после. Относясь отрицательно к «культурному обществу», Горький не верует и в его прогресс; он едко замечает, что прогресс этот «веско подтверждается ежегодным ростом тюрем, кабаков и домов терпимости» (III, 5)[39]. Пожалуй, наиболее полно и ярко Горький выражает свое отрицание «культуры» устами интеллигента-проходимца в рассказе того же имени. И здесь рельефнее всего сказывается, к какой области «культуры» относится отрицательно Горький: он презирает культурное общество за ту созданную им же сеть мелких предрассудков, условностей и приличий; он задыхается в буржуазной, пошлой атмосфере гладко прилизанной морали — но такое отрицание не есть отрицание культуры вообще, не есть отрицание культуры Львом Толстым. Здесь ярко обрисовывается разница между Толстым и Горьким: Горький — не толстовец, и сам старательно подчеркивает это положение в своих рассказах (см., напр., «Мой спутник»; I, 188)[40]. Отрицание культуры Толстым приводит его к опрощению, к сведению на нет знания и науки; отрицание культуры Горьким приводит его к морали индивидуализма — и только. Толстой отрицает содержание культуры, Горький отрицает ее форму, — вот в чем, по нашему мнению, существеннейшая разница в этом отношении между «великим писателем земли русской» и молодым талантом, к которому — будем надеяться — со временем приложится этот же титул. Горький отрицательно относится к культуре — это неоспоримо, но он отрицает ту буржуазную внешность культуры, к которой каждый из нас может относиться только отрицательно; вот почему под взглядами на культуру Горького может безусловно подписаться всякий, принадлежащий к умственной интеллигенции, — самопротиворечия здесь не будет; но оно было бы, если бы мы пожелали сохранить завещанные нам лучшими людьми нашей умственной аристократии идеалы и в то же время согласиться со взглядами на культуру Льва Толстого. Почему это так — вполне понятно, и причина этого, повторим еще раз, именно в том, что Горький отрицает форму современной культуры, а Толстой присоединяет к этому отрицание содержания ее.

К тем же результатам мы придем, если будем рассматривать и более узкий вопрос — отношения Горького к представителям современной интеллигенции. Отношение это — отрицательное; трудно было бы не согласиться с этим. Но отрицание отрицанию рознь, и легко убедиться, что Горький не заражен повальным отрицанием представителей этого класса общества; мы увидим, что и здесь — как и по отношению к современной культуре — Горький отделяет козлиц от овец и действительно жестоко казнит первых; но заключать отсюда об его отрицательном отношении к интеллигенции вообще — более чем смело.

И, во-первых, — надо отметить, что Горький очень пессимистически относится к человеку вообще, независимо от степени его интеллигентности; люди, по его мнению, даже на животных имеют развращающее влияние. «Видите, какая подлая натура? — сказал Промтов, кивая головой на ревностную собаку. — И ведь это лжет она. Она понимает, что лаять не нужно, и она не зла — она труслива и желает выслужиться пред хозяином. Черта чисто человеческая... и, несомненно, воспитана в ней человеком. Портят люди зверей... Скоро наступит время, когда и звери будут такими же подлыми и неискренними, как вот мы с вами...» (III, 202)[41].

Еще рельефнее отрицательное отношение к человеку выражается в рассказе «Читатель», где Горький беседует со своей совестью. «... Человек зол, глуп, бесчестен, он вполне и всегда зависит от массы внешних условий, он бессилен и жалок один и сам по себе», — вот жестокое резюме отношения Горького к человеку (III, 249)[42]. С презрением относится Горький и к своему читателю — «у нищих не просят милостыни, — гордо заявляет он, — пусть не думают, что я возвышаю или унижаю себя для того, чтоб привлечь к себе внимание людей...» (III, 246)[43]. Таково отношение Горького к человеку; и чтобы хоть немного рассеять пессимистическую тьму этого отношения, Горький создает яркий и блестящий образ романтического босяка, с нитшеанской моралью индивидуализма. Не было бы ничего удивительного, если бы при таком отношении к человеку вообще Горький отнесся бы вполне отрицательно и к современному интеллигенту; но на деле мы этого не видим. Мы видели, наоборот, что к приват-доценту из «Вареньки Олесовой» Горький относится довольно сочувственно.

Но у Горького действительно есть два лица, обойти которых при разборе этого вопроса — невозможно. Один из них — действительно общий тип современного интеллигента, это — Иван Иванович из рассказа «Еще о черте»; другой — неумолимый и резкий прокурор современной интеллигенции, это — Ежов из «Фомы Гордеева».

Рассказ «Еще о черте» — замечательная по силе и едкости сатира на современного дряблого интеллигента (рассказ этот настолько же замечателен, насколько слаб рассказ «О черте»); ввиду же его большого значения для выяснения разбираемого вопроса — отношения М. Горького к интеллигенции — не будет излишним несколько остановиться на этом рассказе.

Скучающий черт бродит по земле в крещенскую ночь и жалуется на недостаток души, достойной внимания. «Убийственно бездарны стали люди, до тошноты неинтересны и мелки... — жалуется черт. — Особенно теперь, когда среди них с новой силой расцветает проповедь личного самоусовершенствования и борьбы со страстями...» И это уже маленький камешек в огород интеллигенции, но это только еще цветочки; далее же черт попадает в комнату некоего Ивана Ивановича Иванова; характеристику этого господина мы позволим себе привести словами самого автора: «По душевному складу своему это был человек «интеллигентный», а профессией его было стремление к достижению духовного совершенства, которое он и внедрял в себя ежесуточно путем продолжительных бесед со знакомыми и посредством чтения душеполезных книг» (III, 290)[44].

Уже по этому началу можно ожидать, что Иван Иванович окажется достаточно жалкой в нравственном смысле личностью, как и всякий человек, целью которого является только личное совершенствование. И действительно, Иван Иванович оказывается дряблой, самолюбующейся личностью; Иван Иванович всегда занят мыслью только о себе, о своем нравственном поведении, он нянчится с собой, со своими чувствами, мыслями, достоинствами и пороками — но нетрудно с уверенностью заключить, что такой человек сумеет выдать себе аттестат за благонравие даже после самого гадкого поступка; такова психология самолюбующихся людей. Таков в действительности и Иван Иванович: в момент прибытия к нему черта он занят самобичеванием; за две недели святок он пошло проводил время — бывал в маскарадах и «даже, — продолжает бичевать себя

Иван Иванович, — даже унизил женщину! <...> Чужая жена... как это низко с моей стороны!» Но, хорошо зная Ивана Ивановича и его психологию, мы сейчас же ожидаем от него и оправдания своих поступков, и конечно эти ожидания сейчас же сбываются. «Чужая жена <...> — продолжает рассуждать Иван Иванович. — Хотя, впрочем, она не совсем чужая мне... она жена Егора, а Егор мой старый товарищ, мой душевный друг... да-а! Быть может, это обстоятельство несколько сглаживает мою вину...» (III, 291)[45].

Таков этот самодовольный, самолюбующийся Иван Иванович, который только и умеет нянчиться с самим собой — и который самоудовлетворенно заканчивает свою тираду выдачей себе аттестата за добронравие: «Хорошо еще, что я всегда сознаю свои пороки... это поднимает меня в своих глазах... это очень утешительно!..» (III, 291) [46].

Все это очень характерно и обрисовывает узкую и дряблую душонку «интеллигентного» Ивана Ивановича; неудивительно, что черт с ужасом чуть не отрекся от такой души: «Вашу душу? О нет! — Нет, пожалуйста... мне не надо... Помилуйте?! Куда мне ее?»[47]; неудивительно, что когда черт извлек из Ивана Ивановича честолюбие, злобу, трусость и нервозность — то бедный «интеллигент» утерял всякое содержание: от него остались только одни бессодержательные междометия, на лице сияла блаженная улыбка, свойственная прирожденным идиотам, и голова издавала звук пустого бочонка...[48]

В этом рассказе, как видим, Горький беспощадно казнит современного интеллигента, и эта казнь была бы несомненным доказательством отрицательного отношения М. Горького к интеллигенции, если бы здесь не возникали два вопроса: ко всей ли интеллигенции или только части ее так по заслугам презрительно относится М. Горький? и, во-вторых, — не дает ли он нам в своих рассказах положительный тип интеллигента в противовес Ивану Ивановичу с братией? — Отрицательный ответ на первый вопрос так же очевиден, как и положительный на второй.

Действительно, в лице Ивана Ивановича Горький казнит только вполне определенную часть интеллигентного общества, — ту часть, которая все берет от жизни и не дает ей ничего. Кому и чему нужен этот услаждающийся собственным раскаянием интеллигент, занятый

только личным совершенствованием, чтением душеполезных книг да ковырянием собственной души? И, выражаясь словами Фомы Гордеева, в чем «оправдание» бесплодной жизни этого интеллигента перед судом своей собственной совести? И не есть ли этот рассказ Горького — сильный протест против исключительно личного совершенствования? Не есть ли этот рассказ — едкая сатира не на интеллигенцию вообще, а на ту книжную {Первоначально было: «буржуазную»} интеллигенцию, которая только теоретически относится к вопросу о другом человеке и об его улучшении? Да, это несомненно так, и подтверждение этому мы найдем очень часто в произведениях Горького.

Вспомним, например, горячую обличительную речь против интеллигенции Ежова (из «Фомы Гордеева»): «Я собрал бы остатки моей истерзанной души и вместе с кровью сердца плюнул бы в рожи нашей интеллигенции, чер-рт ее поberi! Я б им сказал: букашки! вы, лучший сок моей страны! Факт вашего бытия оплачен кровью и слезами десятков поколений русских людей, о! гниды! Как вы дорого стоите своей стране! Что же вы делаете для нее? Превратили ли вы слезы прошлого в перлы? Что дали вы жизни? Что сделали?» (IV, 349–350)[49].

Это не может вызвать недоразумений — взгляд Горького слишком ясен. Он спрашивает всех этих самодовольных Иван-Ивановичей: «Что же вы делаете для родной страны, вы, которые так дорого ей стоите?» — и в этом вопросе разгадка того презрения, которым заклеимлен Иван Иванович. Да, Горький презирает ту часть интеллигенции, которая застыла в самодовольном личном совершенствовании и ничего не дает своему темному младшему брату; наоборот, с симпатией относится он — как мы это увидим — к тому интеллигенту, который сознает свои обязанности к той среде, которая слезами и кровью, говорит Горький, оплачивает факт существования самого интеллигента. Он отрицает также и ту quasi-интеллигенцию, которая уже сознает эти свои обязанности, но ограничивается тем, что только говорит, говорит и говорит... но факты со словами не сообразует. Характерен в этом отношении небольшой рассказец «Кирилка», в котором «господа» много толкуют о голоде, о мужике — и сами же съедают последнюю краюху хлеба голодного мужика Кирилки...

Итак — вот какую часть интеллигенции отрицает Горький; эта интеллигенция — сытая, самодовольная и эгоистическая, это — интеллигенция буржуазная, к которой М. Горький относится настолько же отрицательно, как и к буржуазной культуре, что мы уже видели в предыдущем изложении.

Но Горький дает нам и положительный до некоторой степени тип интеллигента; на нем интересно остановиться потому, что в нем М. Горький выражает наиболее ясно свое отрицание узкой интеллигентности, в смысле, указанном в предыдущих строках.

Не следует думать, что этим типом Горький выражает свой идеал интеллигента; как смотрит он на своего героя — не вполне ясно из самого рассказа, который к тому же остался недоконченным, — я говорю об его «Мужике» («Жизнь», 1900 г., Л III и IV). Но нельзя отрицать того, что в личности архитектора Шебуева мы найдем много положительных сторон современного интеллигента, и, пожалуй, не столько в самой этой личности, сколько в развиваемых Шебуевым положениях. На этом рассказе, особенно важном для характеристики отношения М. Горького к интеллигенции, мы позволим себе остановиться подробнее.

В рассказе этом М. Горький повторяет устами Суркова те же нападки на известную часть интеллигенции, которые мы отметили уже в рассказе «Еще о черте»; он нападает на ту часть интеллигенции, которая основной целью поставила себе самосовершенствование, при полном бесстрастии к существеннейшим запросам жизни. «Российское свободомыслие давно уже легло татарским игом на раболепные умы русских людей... (говорит Сурков). И все, здесь присутствующие, закованы в кандалы свободомыслия, сидят в колодках разных измов и сами же оные колодки все туже стягивают. Это на языке рабов именуется саморазвитием и составляет обычное русского интеллигента занятие, чрезвычайно сладостное ему» («Жизнь», 1900, III, 141)[50].

Это уже повторение сатиры на Ивана Ивановича (из «Еще о черте»), и с этими нападками мы уже знакомы. Познакомились мы также и с той частью интеллигенции, к которой Горький относится с симпатией за сознание своих обязанностей к «младшему брату». В этом рассказе мысль эта выражается рельефнее, чем где бы то ни было.

На вопрос — «что такое интеллигенция?» — Шебуев отвечает: «Это цвет ржи». Ему возражают, что это не ново:

«— Всем известно, что интеллигенция — цвет народной массы... (говорит Варвара Васильевна). А вы спросите-ка его — в чем же роль интеллигенции?

Шебуев повернулся к ней и ответил:

— А вот именно в том, чтоб цвести ныне и присно и во веки веков...

— Ну, и это неново...

— Неново, — согласен. Новое, я думаю, начнется с того времени, как вырастут зерна насущного хлеба жизни...

— А кто же его будет есть, этот хлеб? — спросил доктор.

— Мужик! — кратко и спокойно сказал Шебуев» (Там же, III, 133) [51].

Все это достаточно рельефно и известно нам уже и из других рассказов М. Горького; но в этом рассказе он впервые вводит новую черту, составляющую существенную положительную сторону интеллигента, и таким образом более детально решает вопрос — к какой части интеллигенции Горький может относиться положительно?

Для выяснения этой черты вспомним замечательное изложение Шебуевым своего символа веры. Шебуев на молчаливый вопрос «како веруеши» отвечает горячей и яркой тирадой. Прежде всего его устами Горький повторяет в сотый раз прежние нападки на известную часть интеллигенции: «Посмотрим теперь на себя (говорит Шебуев), на то, что мы же называли «интеллигенция». Нас, как известно, обвиняют в пассивности, в дряблости, говорят, что мы — люди слова и мысли, а не дела, что наше влияние на жизнь ничтожно, и вообще мы — негодный материал для построения новой жизни на земле. Надо думать, что все это правда; уже по тому одному правда, что ведь это наши судят нас, это ведь самоосуждение <...> всегда правдивое. Я говорю — всегда правдивое, да! Мы все — действительно люди <...> жалкие и несчастные» (Там же, III, 144)[52].

Здесь мы видим прежние упреки интеллигенции в обилии речей и отсутствии дела; тема эта повторяется у М. Горького очень часто, и жестче всего казнит он это расхождение дела и слова. Мы уже указывали в виде примера на рассказ «Кирилка»; здесь, кстати, — хотя

это и отвлекает нас от существа дела — отметим рассказ «Озорник», в котором за этот же грех казнится представитель интеллигенции.

«Вы пишете разные статьи (говорит герой этого рассказа, наборщик Гвоздев, редактору газеты), человеколюбие всем советуете и прочее такое <...> Ну вот, я и читаю эти ваши статьи. Вы про нашего брата рабочего толкуете... а я все читаю... И противно мне читать, потому что все это пустяки одни. Одни слова бесстыжие, Митрий Павлыч! <...> Под носом у себя вы никаких зверств не видите, а про турецкие зверства очень хорошо рассказываете. Разве это не пустяки — статьи-то ваши? <...> Пишете, что людям плохо жить на свете — и потому вы, я вам скажу, все это пишете, что ничего больше делать не умеете. Вот и все...» (II, 238–239)[53].

Итак, у представителей интеллигенции и дело расходится со словом, и самих слов оказывается много, чересчур много, в сравнении с крупницей дела. Но возвратимся к Шебуеву и к его мнению об интеллигенции. В своей дальнейшей речи он «читает отходную» все той же части интеллигенции, у которой «отсохло сердце в мудрствованиях лукавых», и отрицательно относится к «непомерно развитому интеллекту»[54]. Напрасно, говорит его устами Горький, напрасно думает наша интеллигенция, что саморазвитие, умственный прогресс и совершенствование могут считаться самодовлеющей целью современного культурного человека. Напротив, росту интеллекта должно полагать границы, если он опережает самого человека, ибо суббота для человека, а не человек для субботы, — и роль субботы играет здесь интеллект. Человеку как таковому нельзя опережать самого себя. Горький хочет гармоничного человека, в котором интеллект и инстинкт составляли бы равносильное целое. Место это настолько замечательно, что, несмотря на его длину, мы приведем его полностью:

«... — Мысль странная, — сказал доктор, снисходительно улыбаясь. — А если этот рост интеллекта создаст из человека Канта, — что вы скажете?

— Что скажу? А скажу, что Кант был очень жалкий и уродливый человек, если он не знал ничего в жизни, кроме своей философии. Но все-таки он — Кант, и пускай он жалок, пускай он только жертва нам, нашему стремлению познать тайны бытия... Пускай он всю жизнь думал и, быть может, никогда не чувствовал, что он живет. Его

несчастье полезно для нас, оно — наша гордость и слава. И, разумеется, для общей пользы жизни нужны такие люди, что не мешает мне считать их уродами. Нужно быть именно Спинозой, а не человеком, чтобы наслаждаться созерцанием пауков, пожирающих друг друга, и не пожелать иного наслаждения. Таких... мудрецов я не сочту людьми; не могу! Я буду изумляться силе их мысли и даже преклонюсь пред этой силой, но односторонне развитый человек — не идеал человека. Канты и Спинозы — только огромные головы, Бетховены — только изумительно развитые уши и пальцы. А жизнь хочет гармоничного человека, человека, в котором интеллект и инстинкт сливались бы в стройное целое <...> Нужен человек не только умный, но и добрый, не только все понимающий, но и все чувствующий <...> Человек должен быть всесторонен, — и лишь тогда он будет жизнеспособен и жизнедеятелен, то есть будет уметь не только применяться к жизни, но и изменять ее условия сообразно росту своего «я»...» («Жизнь», 1900, III, 143)[55].

Вот идеал интеллигента М. Горького; от него он требует прежде всего всесторонности, такова должна быть его первая и основная черта. И всесторонность эту надо понимать, конечно, не как энциклопедичность знаний, а в смысле отзывчивости на все проявления жизни, в смысле чуткого реагирования на все окружающие впечатления; для этого человек должен не только мыслить, но и жить. Именно в неумении жить, в намеренной отчужденности от жизни упрекает Горький современного кабинетного интеллигента, между тем как жизнь, по его мнению, — это прекрасный, таинственный, интересный и радостный процесс созидания идей, накопления красоты, творчества новых форм (Там же, III, 145)[56]. Мы не умеем ценить эту жизнь, потому что бедны мы непосредственными впечатлениями и, по картинному выражению Горького, живем в углах на содержании своего воображения. С этой точки зрения вполне законна и понятна — так плохо понятая критиками — вражда Горького к книге. Горький отрицает книгу постолько же, поскольку отрицает и специфически книжную интеллигенцию; он отрицает книгу как всеобщий спасительный оракул на самые сложные запросы жизни; он отрицает только книгу самую по себе, без участия в ее воздействии непосредственных впечатлений жизни. Этой мысли он верен всегда и высказывает ее часто; мы уже отметили выше, что в «Фоме Гордееве»

совет «почитать книжку» дает Тарас Маякин Фоме; для Маякина, всосавшего в себя буржуазную культуру и мораль Смайльса и Леббока, книга является всеспасительным средством; он не может понять, что Фоме нужна не книга, а непосредственное дело, — поэтому и М. Горький, видимо, сочувствует Фоме в его ответе: «если люди помочь мне в мыслях моих не могут — книги и подавно»[57]. Поэтому напрасны нападки на Горького, будто он отрицательно относится к книге; наоборот, из других его произведений мы видим, что он уважает книгу (напр., III, 248)[58], но не может признать ее заменяющей непосредственные впечатления жизни. Когда современный интеллигент сталкивается с действительной жизнью, он, по ядовитому замечанию Горького, сейчас же берется за книгу, чтобы посмотреть: «а что там по этому поводу написано?» («Жизнь», 1900, III, 145)[59]; в этом Горький видит преобладание интеллекта над инстинктом — и требует гармоничного соединения их обоих. Он требует — повторяем это еще раз — всесторонности нашего развития во всех его отношениях; он требует, чтобы истинный интеллигент избрал своим девизом старое, но вечно юное и великое изречение: *homo sum, humani nihil a me alienum puto* («я человек, и ничто человеческое не считаю себе чуждым»).

Итак, отрицает ли Горький интеллигенцию, и если да, то какую ее часть?

Мы уже видели, что в лице Ивана Ивановича он отрицает интеллигенцию буржуазную, с ее довольной и эгоистической моралью и с вечными фразами самоуслаждения на устах. Теперь мы видим, что Горький отрицает и интеллигенцию специально книжную, незнакомую с непосредственною жизнью, слабо и глухо отзывающуюся на разнообразные проявления жизни и чувства. Отрицает ли он интеллигенцию как часть общества? Отчасти да, отчасти нет. Действительно, он думает, что большая часть современной интеллигенции — и буржуазна и книжна; но, с другой стороны, на смену ей, по его словам, идет новый класс общества. Позволим себе сделать последнюю и очень интересную цитату:

«Был у нас интеллигент-дворянин (слова Шебуева из «Мужика»). Он на своих плечах внес на родину культуру Запада, создал огромные, вечные ценности и — все-таки отцвел, не окупив, может быть, и половины тех затрат, которые употребила страна на то, чтобы

взрастить его... На смену ему явился интеллигент-разночинец. Этот дешево стоил стране; он явился в жизнь ее как-то сразу и своей: огромной силой поднял страшный груз. Он надорвался в труде и ныне тоже отцветает... Может быть, он возродится? Не знаю... не охотник я до гаданий... Вижу — он отцветает <...> Думается мне, что дворянин и разночинец потому так скоро... устали жить, что одиноки были. Родни в жизни у них не было, работали они для человечества и народа, а это — величины малореальные, неосязательные... На смену ему идет мужик, рабочий-интеллигент, и в то же время растет буржуа — купец-интеллигент... Посмотрим, что сделает мужик... Но первая его задача — расширять дорогу к свету для своего брата-мужика — для брата по крови, оставшегося внизу и назади... Свой брат — это уж реальность... Вот и все...» (Там же, III, 154)[60].

Этот отрывок показывает яснее других, что если Горький и отрицает современную интеллигенцию, то только как определенное сословие, но никоим образом не как класс общества; а так как, употребляя слово «интеллигенция», мы всегда имеем в виду именно общественный класс, а не сословие, то нельзя согласиться с тем, что Горький отрицательно относится к интеллигенции вообще. Мы видели, какую часть интеллигенции отрицает он, и видели, что в случаях общеотрицательного отношения к ней он имеет в виду только чисто сословное содержание ее.

Рассмотрим вкратце результаты, к которым мы пришли.

Мы видели, что общее мнение об отрицательном отношении М. Горького к культуре вообще — недостаточно обосновано; его презрительное отношение к интеллигенту вообще — оказывается мифом. Горький отрицает не культуру вообще, а ту буржуазно-мещанскую мораль, которая в настоящее время составляет только случайную и далеко не необходимую форму культуры; Горький отрицает не интеллигенцию вообще, но ее буржуазную самодовольную часть. В этом отношении Горький в высокой степени антибуржуазный писатель, один из первых по силе и таланту в современной литературе.

Далее, несомненно отрицательное отношение Горького не только к буржуазной интеллигенции, но и еще к двум видовым подразделениям интеллигенции вообще. Во-первых, он отрицает ту часть интеллигенции, которая, посвятив себя личному

самосовершенствованию и саморазвитию, недостаточно отзывчива к вечному вопросу о «голодном и раздетом», выражаясь словами Писарева, а также ограничивает эту отзывчивость только пышными и звонкими речами, дело же их не сходится со словом. Во-вторых, Горький отрицательно относится к интеллигенции исключительно книжной, а потому и недостаточно жизненной, недостаточно всесторонней.

Все отмеченные выше взгляды М. Горького на интеллигенцию — основные взгляды его мировоззрения, тесно и логически связанные с другими его воззрениями, не затронутыми нами здесь. Так, антибуржуазное направление Горького приближает его к морали индивидуализма; но Горький — не нитшеанец, и сверхчеловек (Über-Mensch) Нитше не является для Горького идеалом интеллигента. Его идеал совершенно иной. От интеллигента Горький требует прежде всего участия к низшему слою общества, и — главным образом — всесторонности, не только в знании, но и в жизни.

Поэтому не будем повторять обычной ошибки и считать Горького отрицателем интеллигенции и культуры; он не заслуживает упрека в этом отрицании, так как оно направлено только против нездоровых и уродливых форм этих двух категорий. Вот почему молодой писатель нашел себе такой горячий прием среди той самой интеллигенции, к которой он относится якобы отрицательно; самопротиворечия здесь нет, как, например, нет противоречия в симпатичном отношении к врачу, который производит болезненную, но полезную операцию; а ведь нельзя не сознаться, что большая часть нашей интеллигенции нуждается в операции, производимой Горьким над ее наносными формами.

Нет, Горький не отрицает интеллигенцию и культуру, и яснее всего это видно при сравнении его с Львом Толстым. Мы еще раз указываем на громадное различие между этими двумя писателями по вопросу об отношении их к культуре и интеллигенции. Горький отрицает форму современной культуры, Толстой отрицает также и содержание ее; Горький отрицает интеллигенцию как сословие, а Толстой — также как и класс общества.

Октябрь 1900 г. СПб.

Текст реферата Иванова-Разумника печатается по автографу, сохранившемуся в архиве Иванова-Разумника в Рукописном отделе

Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (ф. 79, оп. 1, ед. хр. 95). Там же хранятся наброски и материалы к реферату (ед. хр. 94).

Примечания

Подробнее об этом см. во вступ. ст. А. В. Лаврова к публикации переписки А. А. Блока и Иванова-Разумника в кн.: ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 366–369.

(обратно)

ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 212.
(обратно)

3

Там же.
(обратно)

Об этом Иванов-Разумник писал А. Н. Римскому-Корсакову 28 октября / 10 ноября 1900 г. (Там же). В письме он извещал, что выступление его намечено на 7/20 ноября; в примечании, сделанном на рукописи реферата, проставлена другая дата чтения в университете — 28 ноября 1900 г.
(обратно)

ИРЛИ, ф. 79, оп. 1. ед. хр. 212.
(обратно)

П. Иванова-Разумника к А. Н. Римскому-Корсакову от 7 февраля
1901 г. (Там же).
(обратно)

Иванов-Разумник. Юбилей (очень удачное введение) // ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 148, л. 3–4.
(обратно)

ИРЛИ, ф. 79. оп. 1, ед. хр. 212.
(обратно)

Михайловский Н. К. О г. Максиме Горьком и его героях//Русское богатство. 1898. № 7; Он же. Еще раз о г. Максиме Горьком и его героях // Там же. 1898. № 10. Во второй статье Н. К. Михайловского проводится параллель между идеями «философствующих босяков» из ранних рассказов Горького и ницшеанской моралью.
(обратно)

Иванов-Разумник вкратце характеризует фельетоны Горького, печатавшиеся в «Самарской газете» под псевдонимом «Иегудиил Хламида», и появившуюся там же сказку «О маленькой фее и молодом чабане» (Иванов-Разумник. История русской общественной мысли: Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. СПб., 1907. Т. 2. С. 398. 426). В рукописи сохранились краткие характеристики рассказов Горького, сделанные Ивановым-Разумником при чтении «Самарской газеты». «На соли» — «очень недурной рассказ этнографического характера, оставляющий по себе тяжелое впечатление»; «Извозчик» — «рассказ этот — на тему «Преступления и наказания»; довольно слабый рассказ с интересными диалогами извозчика». Там же — общее замечание: «М. Горький с учением Нитше мог познакомиться хотя бы из «Самарской газеты», в которой он состоял ежедневным сотрудником и в которой в начале 1895 г. печатался «Так говорит Заратустра»» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 129). (обратно)

Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. Т. П. С.
417.
(обратно)

Он же. Земля и железо: (Литературные отклики)//Русские ведомости. 1916. № 79. 6 апр.
(обратно)

Он же. Литература и общественность. СПб., 1911. С. 97, 104, 105.
(обратно)

Там же. С. 104. О высокой оценке Ивановым-Разумником творчества Горького-художника см. также: Петрова М. Г. Эстетика позднего народничества//Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX в. М., 1975. С. 162–163.
(обратно)

Строки из стихотворения Пушкина «Ответ анониму» (1830):
И выстраданный стих, пронзительно-унылый, Ударит по сердцам с
неведомою силой. (обратно)

Такое мнение, в частности, высказывал А. И. Богданович (А. Б.) в своих «Критических заметках» в связи с рассказом «Кирилка»: «В «Кирилке» г. Горький проявил новую черту таланта, сближающую его отчасти с Гл. Успенским, который так тонко и метко умеет осветить отношение к народу других классов, живущих за счет этого последнего» (Мир божий. 1899. № 4. Отд. II. С. 15–16). Параллели между Горьким и Г. Успенским проводил Андреевич (Е. А. Соловьев) в анонимной рецензии на «Очерки и рассказы» Горького (Русское богатство. 1898. № 7. Отд. II. С. 30–36) и в ст. «Очерки текущей русской литературы. Вольница» (Жизнь. 1900. № 4. С. 312–313).
(обратно)

Сходство с «Марлинским в прозе и Бенедиктовым в поэзии» усматривал в романтических рассказах Горького М. О. Меньшиков, находя в них «вычурность» и «крикливую, холодную жестикуляцию слов» (Меньшиков М. Критические заметки. Красивый цинизм // Книжки недели. 1900. № 9. С. 224).
(обратно)

Возможно, имеется в виду отзыв А. Басаргина, отметившего, что положительные идеалы Горького «носят какой-то зыбкий и подвижный характер», и считавшего, что Горький находится под влиянием философии Ницше. Басаргин назвал рассказ «Читатель» в числе тех произведений, где влияние Ницше особенно очевидно (Басаргин А. [Введенский А. И.] Развивается ли талант Горького//Московские ведомости. 1900. № 117. 29 апр.).
(обратно)

Заключительная сцена «Вареньки Олесовой» вызвала в критике обвинения в непристойности. См.: 3, 553–557.
(обратно)

«Сатира и мораль? смысл этого всего?» — реплика Чацкого Софье
(«Горе от ума», д. III, явл. 1).
(обратно)

Указание на «Очерки текущей русской литературы» ведущего критика журн. «Жизнь» Андреевича (Е. А. Соловьева), который утверждал, что Горький разделяет воззрения босяков «по части прелестей нашего культурного существования»: «Прежде всего надо отметить, как презрительно относится он к интеллигенции. В этом презрении есть даже и частичка ненависти» (Жизнь. 1900. № 8. С. 242). Отстаивая эту мысль, Андреевич ссылается на героя «Вареньки Олесовой», Тараса Маякина из «Фомы Гордеева» и Ивана Ивановича из памфлета «Еще о черте». Общую характеристику мнений Андреевича о Горьком см.: Келдыш В. А. «Жизнь» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX в. 1890–1904: Социал-демократические и общедемократические издания. М., 1981. С. 256–260.

(обратно)

Видимо, имеется в виду начало «Шинели»: «В департаменте... но лучше не называть в каком департаменте. Ничего нет сердитее всякого рода департаментов, полков, канцелярий и, словом, всякого рода должностных сословий. Теперь уже всякой частный человек считает в лице своем оскорбленным все общество» и т. д. (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Л., 1938. Т. III. С. 141).
(обратно)

Иванов-Разумник цитирует произведения Горького по изд.: Горький М. Рассказы; Т. I–IV. 1-е изд. СПб.: Знание, 1900; римские цифры обозначают том, арабские — страницу. Ср.: 3, 66.

Зачастую окончательно установленный Горьким текст имеет более или менее существенные отличия от той его редакции, которой располагал Иванов-Разумник в издании «Рассказов».
(обратно)

Имеются в виду характеристики героя «Вареньки Олесовой», данные Андреевичем («стоеросовый магистрант» и др. — Жизнь. 1900. № 8. С. 244), А. И. Богдановичем (А. Б.) (приват-доцент — «несчастный книжный червь», «в котором книга вытравила всякую жизнь, иссушила его, как вяленую волжскую воблу, превратив его в какую-то пародию на человека», — Мир божий. 1900. № 8. Отд. II. С. 83).
(обратно)

Эта характеристика Вареньки была изъята Горьким при подготовке 4-го издания «Рассказов» (СПб., 1903). См.: 1 (Варианты). С. 233–234.
(обратно)

См.: 3, 83. Вторая половина цитируемого текста (начиная со слов: «Обязанность каждого честного человека...») изъята впоследствии Горьким при подготовке «Вареньки Олесовой» для собрания сочинений в изд-ве «Книга». См.: 1 (Варианты). С. 238. (обратно)

См.: 4, 342–343.
(обратно)

Там же. 405.
(обратно)

Самуил Смайльс (1816–1904) — английский писатель-моралист, проповедник классового мира. Джон Леббок (1834–1913) — английский зоолог, археолог, философ-моралист. Подробнее о нем см.: 4, 628–629.
(обратно)

Там же. 423–424.
(обратно)

Там же. 425.
(обратно)

3, 294–296.
(обратно)

5, 410.
(обратно)

3, 312 («Бывшие люди»; слова Объедка о Петунникове-младшем).
(обратно)

4, 418, 419.
(обратно)

36

5, 365, 366.
(обратно)

3, 48.
(обратно)

Там же. 57, 58.
(обратно)

Там же. 177 (рассказ «В степи»).

(обратно)

Имеется в виду автохарактеристика: «Я не толстовец». Изъята Горьким при подготовке 4-го издания «Рассказов» (СПб., 1903). См.: 1 (Варианты), 69.
(обратно)

4, 34 (рассказ «Проходимец»).

(обратно)

Там же. 121.
(обратно)

Там же. 120.
(обратно)

Там же. 172.
(обратно)

Там же. 173 (текст памфлета «О черте» цитируется с небольшими неточностями).
(обратно)

Там же.
(обратно)

Там же. 174.
(обратно)

Там же. 177–178.
(обратно)

Там же. 431–432.
(обратно)

50

5, 378.
(обратно)

Там же. 368, 369.
(обратно)

Там же. 382.
(обратно)

3, 204–205.
(обратно)

5, 383, 380.
(обратно)

Там же. 380–381.
(обратно)

Почти дословное изложение слов Шебуева (Там же. 383).
(обратно)

4, 426.
(обратно)

Там же. 121 (рассказ «Читатель»).

(обратно)

5, 383 (слова Шебуева).
(обратно)